

О БОЙКО Е. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

БОЙКО Екатерина Антоновна. Член партии эсеров. В феврале 1924 — арестована и заключена в одиночку Бутырской тюрьмы. 2 марта пыталась покончить с собой, переведена в спецбольницу.

В мае 1924 — о ее состоянии сообщили Е. П. Пешковой.

<Май 1924>

«Наше положение в больнице очень тяжело, а Бойко, по-моему, даже безвыходно. О себе думаю, что не могу здесь долго задержаться, а она останется одна, и об этом нужно как-то очень подумать. Придется рассказывать обо всем слишком подробно, чтобы положение стало ясным. Бойко приехала из внутренней <тюрьмы> совсем больная: с галлюцинациями (психически больная). Затем она здесь сразу пришла в себя и поначалу так хорошо себя чувствовала, что весь ее облик можно было рассмотреть: интеллектуально интересный человек, очень сообразительная, тонкая, тактичная. Но такое вполне благополучное состояние продержалось, увы — три дня, и наступила реакция после того болезненного приступа, и состояние ее все время в дальнейшем характеризуется какой-то тупостью в области мысли, раздражительностью в отношениях, внешней грубостью и, я бы сказала, неряшливостью. Не всегда легко выдерживать все эти впечатления. Я занимаю отдельную комнату, а она помещается в общей большой палате. Большую часть дня она проводила в моей комнате. Она все время говорит-говорит, я указывала врачам на это, но они как-то определенно не высказывались. Часто, ссылаясь на свое плохое состояние, я просила ее уходить, и она уходила и лежала на своей кровати. Но она жаловалась всегда на беспокойство в общей палате (там шумно) и на головную боль. Тогда представилась возможность поместить ее в проходной комнате рядом со мной (оттуда выписывалась больная), и врачи говорили, что она скоро отдохнет, что ей будет покойно. Нужно оговориться, что врачи здесь очень к себе не располагают, и у меня с ними были все время натянутые отношения, так что я от всякой их помощи отказывалась. Но я убеждена, что они не чекисты, и что больным с ними можно говорить о их болезнях. Она сначала много говорила с врачами (все было в моем присутствии), а потом стала во многом сомневаться. Создалось выжидательное положение. Затем она окончательно решила отказаться от их советов и помощи, так как в их обращении с нами произошла некоторая перемена, они нам стали совсем подозрительны. В пятницу, когда должна была освободиться комната для Эк<атерины> Ан<тоновны>, я узнала от врачей, что еще "не обдумано и не решено". Это так возмутило Эк<атерину> Ан<оновну>, что она решила требовать для себя комнату, как политическая, мотивируя это тем, что в тюрьмах нас содержат отдельно от других категорий заключенных. Да, надо еще сказать, что я иногда предлагала ей переход в мою комнату, но одна из врачей предупредила Эк<атерину> Ан<оновну>, что мне отдельная комната предоставлена по состоянию здоровья, и что изменить для меня это очень вредно. 14 марта Эк<атерина> Ан<оновна> написала заявление главврачу с требованием изоляции политической и с отказом в дальнейшем от приема врачей. Палатные врачи определили заявление, как проявление больного самочувствия, говорили с Эк<атериной> Ан<оновной>, между прочим, очень резко и очень ее взволновали. Затем предложили ей перейти ко мне в комнату, чего она сделать не могла. Главврач не появлялся. В воскресенье в освободившуюся комнату перевели другую больную, о которой нам раньше говорили, что по состоянию здоровья ей отдельной комнаты не нужно. Эк<атерина> Ан<оновна> решила употребить приемы тюремной обструкции — она

разбила окно. Но это было истолковано как припадок, и с тех пор и по сие время врачи упражняются в таких приемах в отношении к ней, которые нельзя понять иначе, как чекистские репрессии и от которых, я боюсь, Ек<атерина> Ант<оновна>, сойдет с ума. Предписано (зафиксировано в книге), Ек<атерину> Ант<оновну> держать в постели насильно, не позволять нам видаться и разговаривать, двери заперты, приставлены лишние против обычного санитарки. В воскресенье мы еще не подчинились первому распоряжению и были вынуждены провести обструкцию: всю ночь не ложились и сидели у стола. Я боялась оставлять Ек<атерину> Ант<оновну>, узнав ее характер (очень упорный) и ее болезнь. Затем началось насильное растаскивание и укладывание в постель. Причем, врачи не появлялись, а все делали надзиратели и так по-чекистски, что теперь в истинном положении дел у нас сомнений нет. Бойко обедала всегда у меня, и, вообще, больным ни на какой почве общение не запрещается, даже с медицинской точки зрения, вредного, так как здесь никакой помощи больным не оказывают. Бойко отказалась обедать без меня и двое суток совсем ничего не ела — и это при ее состоянии! Я вызывала для объяснений дежурного врача — никто не явился! Тогда я в свою очередь написала заявление главврачу, требуя своего перевода в тюрьму, и объявила бойкот врачам. У меня повышенная температура и болит ухо, но я от всякой медицинской помощи отказалась. В той же книге значится, что меня предписано держать в постели, измерять температуру и перевязывать ухо. Насильно?! Один раз меня ни с того, ни с сего взяли и насильно уложили в постель, хотя я совершенно мирно стояла в коридоре, проходя из уборной, я протестовала и отошла к окну, а меня так прижали, что я головой продавила стекло. После двух дней голодовки Бойко пускают в мою комнату обедать и отдыхать. Если она задерживается, ее насильно оттаскивают на кровать. В этих тасканиях и укладываниях ее так раздавили, что ей несколько дней трудно дышать. Мне не дают никаких перевязочных материалов на руки, лишая меня возможности в чистоте держать перевязку, от их же вмешательства я категорически отказываюсь.

В такой напряженной, совершенно бессмысленной и ничем по жестокости обстановке мы живем уже вторую неделю. Главврач не являлся ни разу. Ек<атерина> Ант<оновна> написала заявление, которое не могла вручить. Необходимо внешнее вмешательство (от Красного Креста?), необходимо нас вытаскивать отсюда. Ек<атерину> Ант<оновну> одну здесь оставлять невозможно»¹.

В декабре Екатерина Антоновна была переведена в Томскую психбольницу, в октябре 1925 — находилась там же.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 37. С. 12. Машинопись.